

Сун Нин услышал, что в доме ещё остались бататы и тыква, и это его заинтересовало. Он пошёл вместе с Вэй Ху в задний двор.

В заднем дворе он оказался впервые. В прошлые пару дней он лишь видел, как Вэй Ху отвёл туда того оленя, но сегодня, зайдя внутрь, с удивлением понял, что двор оказывается такой просторный.

Сзади стоял навес из соломы, под которым хранились сельскохозяйственные инструменты. Вэй Ху сказал:

«Задний двор у нас для кур и скотины. В последние годы всё времени не было привести его в порядок, так что он пустует. Зимой чёрная и пёстрая фасоль хранится здесь».

Говоря это, Вэй Ху наклонился и открыл деревянную крышку. Сун Нин с любопытством вытянул шею и заглянул внутрь — в погребе высотой с человека аккуратно были сложены батат, зимние дыни и тыквы, а ещё немало пекинской капусты.

«А почему всё хранят под землёй?»

«Зимой холодно. Если не держать овощи в погребе, они замёрзнут и станут негодны для еды».

«А-а, вот оно как... Я раньше и не знал».

Вэй Ху спустился по деревянной лестнице и снизу набрал целую корзину батата, сверху положив большую тыкву. Сун Нин, стоя наверху, обеими руками напрягся и помог вытащить корзину.

«Братец Вэй Ху, завтра, когда мы пойдём обратно в родительский дом, можно взять немного батата для бабушки Чжан? Она у нас служанка, я хочу ей подарить, она любит батат».

«Хорошо».

Вэй Ху вылез наверх, отнёс корзину в передний двор, вымыл несколько бататов и, нарезав тыкву, поставил всё готовиться на пару.

Когда Чэнь Цуйхуа вернулась, она увидела, как молодая пара, прижавшись друг к другу, хлопчет у очага. На лице Чэнь Цуйхуа появилась довольная улыбка — было видно, что её Ху-цзы действительно любит Нин-гэ.

На завтрак сварили рисовую кашу, подали приготовленные на пару батат и тыкву, а к ним — тарелочку солёных овощей. Для утренней трапезы это было очень щедро.

Сун Нин съел большой батат и ещё половину куса тыквы, она была сладкая и пришлась ему по вкусу.

Увидев, что сегодня Сун Нин наконец-то съел больше обычного, Чэнь Цуйхуа подвинула ему ещё кусочек тыквы:

«Раз нравится, ешь побольше, Нин-гэ. Всё своё, с огорода, ничего дорогого».

«Мам, она такая сладкая».

Чэнь Цуйхуа с гордостью сказала:

«Твоя мать, между прочим, выращивает их больше, чем у других, да ещё и слаще».

«Мама, ты правда замечательная!» - не удержался Сун Нин и похвалил её.

Чэнь Цуйхуа так и расцвела от улыбки — рот не закрывался. Этот гер и вправду умеет говорить приятные вещи.

«Тогда съешь ещё немного».

Сун Нин любил сладкое и, увлѣкшись, незаметно для себя переел. После еды он тут же кинулся мыть посуду, выхватив миски первым.

Глядите-ка, он умеет мыть посуду!

Делать сегодня было особо нечего, и все трое уселись во дворе плести корзины. Чэнь Цуйхуа заговорила о завтрашнем возвращении в родительский дом:

«Твоя старшая сестра завтра тоже пойдёт с визитом. Подарки нельзя брать хуже, чем у других. Я потом схожу в деревню, куплю корзинку яиц да ещё одну курицу».

Сун Нин вспомнил свою жизнь в доме семьи Сун. Такие хорошие вещи его мачеха, У Цайэ, никогда не позволяла ему есть, жадничала. Сун Нину совсем не хотелось нести ей подарки.

«Мама, я не хочу ей ничего дарить».

«Я знаю, что ты её не любишь» - мягко сказала Чэнь Цуйхуа. «Но положенные приличия всё равно нужно соблюдать. Если принесём слишком мало, твоя родня будет недовольна, да и деревенские, увидев, начнут судачить».

Сун Нин тихонько фыркнул про себя; губы сами собой надулись, хотя он этого даже не заметил.

Зато Вэй Ху, сидевший напротив, всё увидел. Этот гер, похоже, с каждым днём всё больше привыкал к здешней жизни.

Поработав немного по дому, Чэнь Цуйхуа вышла за покупками. Яйца в деревне у каждой семьи свои, но зима была уже близко, куры перестали нестись, и цена поднялась до пяти вэнь за штуку. Старая курица стоила сорок вэнь.

С корзиной в руках Чэнь Цуйхуа обошла несколько дворов, купила яйца и одну старую курицу.

Зима уже подбиралась всё ближе, у каждой семьи яиц оставалось немного — сами-то их берегли и почти не ели, но продавать охотно соглашались. Так что Чэнь Цуйхуа довольно быстро купила и яйца, и курицу.

«Цуйхуа, ты чего так много берёшь? Завтра, что ли, Нин-гэ возвращается в родительский дом?» - спросили её.

Чэнь Цуйхуа улыбалась во весь рот:

«Ну да, для Нин-гэ, с собой в отчий дом».

С этими словами она ушла. А мужчина, продавший ей яйца, покачал головой и сказал:

«Вот это у тётки Цуйхуа подарки на возвращение — целая корзина яиц, немало ведь».

«Так ведь говорят, этот гер из семьи из посёлка. А в посёлке люди при деньгах, мало возьмёшь — посмотрят свысока».

«Тоже верно. Но всё равно тётка Цуйхуа — щедрая, ничего не скажешь».

И курица, и яйца — свои-то дома жалеют съесть, а тут столько всего отдают в подарок на "возвращение". Для деревенской семьи и одна курица с вином уже считались щедрым даром; если же в доме совсем туго с медяками, то и жареные закуски или фрукты было вполне уместно принести.

Пока Чэнь Цуйхуа ходила по делам, во дворе остались только Сун Нин и Вэй Ху. Гер с мрачным лицом обрезал боковые ветки, явно всё ещё был не в духе.

«Не хочешь ничего нести своей мачехе?» - спросил Вэй Ху.

«Не хочу. После того как отец умер, она мне даже яйца ни разу не дала съесть. Курицу тушили — меня и звать не звали. Не хочу, чтобы она это ела».

Сун Нин поднял глаза на Вэй Ху:

«Вэй Ху, а можно вообще ей ничего не дарить? Мы же и её еду не едим».

Губы у гера чуть надулись, в глазах, когда он смотрел на Вэй Ху, читалась одна сплошная мольба; голос стал мягким, почти липким. Вэй Ху тихо кашлянул и отвёл взгляд — что это он вдруг ни с того ни с сего начинает кокетничать.

«Нельзя. Люди узнают — нас на смех поднимут».

«Ладно...»

«Ты же говорил, что у тебя была бабушка, которая о тебе заботилась. Может, сходим к ней?»

Глаза Сун Нина тут же загорелись:

«Правда?!»

«Да. Только маме не говори».

Сун Нин сразу закивал, как цыплёнок, клюющий зёрнышки:

«Знаю, знаю. Вэй Ху, ты такой хороший».

Не прошло и много времени, как Чэнь Цуйхуа вернулась, неся корзину яиц и старую курицу. Яиц она купила столько, что они даже выпирали из корзины. Лицо у неё светилось от радости:

«Яиц мама взяла побольше. Часть оставим себе поесть, да и Нин-гэ надо как следует подкормить — глянь, личико-то какое жёлтое».

Сун Нин улыбнулся:

«Спасибо, мама».

«Эх ты, дитя» - отмахнулась Чэнь Цуйхуа. «Не надо всё время меня благодарить. Мы же теперь одна семья».

С корзиной она пошла на кухню, выбрала несколько самых крупных яиц и убрала их в деревянный шкаф. Раньше семья жила бедно — у них и курицы-то не было, не говоря уже о яйцах, потому Чэнь Цуйхуа всегда их берегла.

Теперь же Вэй Ху женился, и у неё на сердце стало спокойнее. Нельзя же дальше жить так же туго, как прежде. К тому же Сун Нин натерпелся бед в доме семьи Сун — яйца пойдут ему на пользу, надо подкормить, восстановить здоровье. А вырастит крепким — глядишь, и внуков можно будет понянчить.

Чем больше Чэнь Цуйхуа об этом думала, тем светлее казалась жизнь впереди. В доме появился ещё один человек — и стало уже не так пусто и холодно. А когда потом дети появятся, так и вовсе будет шумно и радостно.

С улыбкой на лице она вышла из кухни и заметила, что Сун Нин всё ещё в том длинном халате, в котором приехал в тот день. Она ахнула:

«Ох, ну и память у меня! Я ведь так и не сшила тебе новую одежду».

«Мама, ничего страшного, у меня ещё есть один комплект» - поспешил сказать Сун Нин.

«Как это — ничего?» - возразила она. «Мы же купили два куска ткани. Я сейчас же сошью тебе один наряд, чтобы завтра ты в нём пошёл в родительский дом. А в другой раз сошью ещё один — уже под тёплую куртку».

Бормоча себе под нос, ругая собственную забывчивость, Чэнь Цуйхуа тут же взяла ткань и принялась шить для Сун Нина новую одежду.

Ей всегда казалось, что их семью в деревне часто обсуждают за спиной. Завтра Нин-гэ возвращается в отчий дом; пусть пира для молодых они и не устраивали, но уж завтра она непременно сделает так, чтобы Нин-гэ вышел из деревни с честью и достоинством.

Изначально она собиралась сшить из двух отрезов зимнюю одежду, но теперь решила сначала сделать лёгкий халат. Пусть носить его осталось недолго — весной и осенью он всё равно пригодится. А на зимнюю одежду можно будет потом докупить ещё ткани.

Чэнь Цуйхуа была человеком проворным и основательным: за что ни возьмётся — всё у неё получается.

Дом внутри и снаружи она держала в идеальном порядке. Не только овощи в погребе были разложены аккуратно и ровно — даже дрова в кухонной пристройке были сложены ровными рядами. Настоящая мастерица на все руки.

И вот сейчас она снова, не теряя ни минуты, принялась шить одежду для Сун Нина.

Сун Нин прищурился с улыбкой:

«Наша мама такая хорошая».

Чэнь Цуйхуа вынесла во двор кусок синей ткани и стала кроить, затем окликнула Сун Нина:

«Нин-гэ, брось ты эти ветки, иди сюда — мама тебя обмерит».

«Хорошо» - отозвался Сун Нин и подошёл.

Чэнь Цуйхуа была неграмотной и, в отличие от городских портных, не пользовалась мерной лентой — она просто не умела с ней обращаться. Вместо этого она прямо руками мерила Сун Нину длину рукавов и обхват талии.

Дойдя до талии, она цокнула языком:

«Нин-гэ, ну посмотри, какая у тебя тонкая талия. Тебе надо побольше есть, глянь, исхудал-то как».

«Мама, я и правда всегда был худым» - смущённо сказал Сун Нин.

«Глупости!» - отмахнулась она. «Не бывает, чтобы человек от природы был таким худым. С этого дня ешь как следует, а не как котёнок — два кусочка клюнул и всё».

Всего за несколько дней Сун Нин уже избавился от той скованности, с которой пришёл в этот дом, и стал говорить свободнее. Ему очень нравилась эта семья, и единственной его заботой было то, что он считал себя слишком бестолковым — помочь по-настоящему он ничем не мог.

Чэнь Цуйхуа в два счёта сняла с Сун Нина все мерки и, не выпуская ножницы из рук, принялась за работу. А Сун Нин снова подсел к Вэй Ху, помогая ему резать лозу.

На этот раз гер даже пододвинул табурет к нему поближе, но Вэй Ху чуть сдвинулся в сторону. Сун Нин был недоволен. Значит, Вэй Ху и правда его не любит... Вчера ночью он так боялся, а тот даже не обнял его.

Чэнь Цуйхуа не откладывала дела — за ночь она успела сшить Сун Нину новую одежду и даже полный комплект нательного белья. С утра пораньше она уже торопила его:

«Нин-гэ, переодевайся скорее, примерь, по фигуре ли».

Сун Нин обнял свёрток с одеждой и ушёл в дом переодеваться.

Надев обновку, он покрутился перед собой. Уже целый год ему не шили новой одежды. Раньше, когда отец был жив, он каждый год получал по два новых комплекта. После смерти отца мачеха перестала шить ему вещи, а старую одежду и вовсе забрала и раздала другим — говорили, что отдала её Чжао Циншу.

Новая одежда сидела как влитая, ткань была мягче и приятнее той, что он только что снял. Сун Нин мелкой рысцей выбежал во двор и подбежал к Вэй Ху:

«Вэй Ху, посмотри, красиво?»

Он закружился перед ним, показывая наряд со всех сторон. Вэй Ху почувствовал, как дёрнулся кадык; голос его прозвучал чуть хрипло:

«Красиво».

Гер и без того был белокожий и нежный, а длинный халат цвета лазури, перехваченный на талии поясом в тон, делал его ещё светлее. Он выглядел совсем юным и свежим — словно весенний бамбуковый побег после мартовского дождя, словно красивая жемчужина.

Чэнь Цуйхуа тоже не переставала хвалить:

«Наш Нин-гэ и сам красавец, на нём любая одежда смотрится хорошо».

Сун Нин смущённо покраснел.

Чэнь Цуйхуа тем временем уже всё подготовила: корзину с яйцами перевязала красной лентой, ноги старой курицы тоже обвязала красной тесьмой, а кувшин с вином аккуратно стянула соломенной верёвкой.

«Ну вот, всё готово. Поедите — и можно в дорогу. Пойдём, мама вас до ворот проводит».

<http://bllate.org/book/15163/1354188>